

Феномен творчества: особенности восприятия

Осмысление многоликого феномена творчества образует одну из так называемых «вечных проблем», интерпретационное поле которой настолько широко и многообразно, что даже простое перечисление его составляющих может выступать в качестве специальной исследовательской задачи. Если к этому добавить универсальный статус данного феномена в человеческом бытии, его «вездесущее присутствие» не только в сфере познания, но и на уровне практической жизнедеятельности, его тесную сопряженность со спецификой индивидуального, субъективного, то становится очевидным, что любая попытка его анализа изначально является достаточно проблематичной. Вместе с тем, именно «безбрежность» проблемы творчества позволяет любому исследователю отыскать в этом пространстве тот маленький островок, о котором ему интересно поразмышлять.

В данном случае такой «островок» очерчен как желанием разобраться (в первом приближении, разумеется) в *этическом* аспекте изучения феномена творчества, так и стремлением связать его со спецификой преподавательской деятельности, предполагающей хотя бы небольшую степень осведомленности преподавателя относительно *ценностных ориентаций студенческой аудитории*.

В соответствии с этим, была обозначена начальная схема возможного анализа указанной проблемы, предполагавшая: определение понятия «творчество»; выяснение статуса творчества в нравственной жизни; аттестацию творчества в качестве моральной ценности; выявление значимости творчества в сфере образовательной деятельности.

Вопросы, конкретизирующие эти «направления поиска», были предложены студентам отделения психологии и отделения информации и коммуникации (3 курс) в качестве основы для письменной самостоятельной работы (добровольной и анонимной). Полученные сорок работ образовали своеобразную эмпирическую базу (локальную, но достаточно интересную, поскольку студенты постарались о творчестве написать творчески), анализ которой позволяет зафиксировать некоторые общие и частные «срезы» восприятия феномена творчества, способные выступать в качестве перспективных направлений его дальнейшего изучения. Результаты изучения этого эмпирического материала можно обобщенно представить в трех ракурсах: 1) размышления о сути феномена творчества и его значимости; 2) суждения относительно нравственного статуса творчества; 3) позиции по вопросу о роли творчества в образовательном процессе.

1. Понятно, что процессу серьезного осмысления любого феномена должна предшествовать попытка его понятийного «закрепления», не позволяющего непродуктивно «растекаться мыслью». Однако, определение «предельных понятий», к числу которых относится и творчество, сопряжено с целым рядом существенных трудностей (их перечисление целесообразно в данном случае «оставить за кадром»). В связи с этим, понятийный статус творчества оказывается достаточно условным даже в научных исследованиях, не говоря уже об обыденном сознании. Даже если и фиксируется какое-то определение, оно при последующем анализе часто «расплывается», а феномен творчества, наделяемый множеством разнообразных характеристик, «не поместившихся» в начальное определение, описываемый в контексте некоторых интуитивных представлений, начинает существовать в виде размытого, туманного *образа*. Вместе с тем, любые такие образы имеют более-менее устойчивое общее основание, связанное с пониманием творчества как *процесса создания (точнее, наверное, – созидания) нового, уникального, неординарного*. Эта универсалия отнюдь не препятствует релятивизации образов творчества, поскольку интерпретация «нового, уникального, неординарного» может быть весьма различной. Так, например, творчество можно превратить в предельно широкий феномен, по сути сливающийся с жизнедеятельностью человека во всех ее проявлениях (нет ведь таких «плодов» жизнедеятельности, которые были бы абсолютными копиями, даже если выполнены по стандарту). Или, напротив, можно его сузить, ограничивая сферой художественной деятельности. Из этого, в свою очередь, проистекает еще одна значимая, особенно в нравственном отношении, проблема: творчество является атрибутом жизни любого человека или есть люди, которые не могут быть названы творцами?

В общем, дефинитивная задача применительно к *феномену* творчества остается «открытой», как и *проблема* творчества, что порождает множество следствий-противоречий в научном исследовании и на уровне обыденного сознания. Понятно, что такого рода следствия нашли свое отражение и в студенческих работах. Пытаясь выразить свое понимание творчества, студенты, как правило, отдают себе отчет в предельной широте этого феномена и стараются его как-то конкретизировать, выделяя, например, различные его аспекты: («а) создание продуктов художественной, духовной ценности», б) проявление нестандартного мышления в повседневной жизни»); а также прилагая к «созданию нового, уникального, неординарного» свои дополнения: творчество предполагает «любовь к тому, что человек делает и удовольствие от этого дела», обязательное «одобрение обществом», «своеобразный мозговой штурм наедине с собой», «измененное состояние сознания, связанное с безумным увлечением», «отказ от банальности», «привнесение во все своей позиции», «процесс, в который человек вкладывает всю свою душу», «любые нестандартные мысли, идеи». Интересно, что к

творчеству часто применяется прилагательное «прекрасное», один из студентов даже предлагает его в качестве критерия для различения творчества и креатива.

Анализ данных работ свидетельствует, в частности, о той особенности восприятия творчества, которая уже упоминалась: начальные определения (описания) творчества далеко не всегда «работают» при дальнейших размышлениях о нем, а иногда вступают в противоречие с ними. В целом, в создании образа творчества студенческие мнения достаточно солидаризированы, особенно в отношении *значимости* этого феномена в жизни вообще и в их собственной жизни. Общая позиция – *исключительно высокая оценка* творчества, которая не только просто фиксируется, но и иногда почти поэтически «воспевается», затмевая собой все прочие ценности («если бы не было творчества, то не было бы жизни»; «творчество затмевает собой все остальное»; «это самое главное в жизни»). На таком фоне понятна солидарность студентов и по вопросу творческой самооценки – почти каждый оценивает себя как творческую личность. Интересно, что такая позиция не просто констатируется, но, как правило, обосновывается, причем это обоснование часто связывается с занятиями *художественным* творчеством. Что же касается работ, авторы которых (5 из 40) проявляют самокритичность («я не супер творческая личность», «не в полной степени творец», «потенциально творческая личность»), то их мотивация тоже достаточно интересна: «нет возможности развить свой творческий потенциал»; «нет желания постоянно творить»; «я не считаю себя творческой личностью, поскольку результат моей деятельности очень узок и не является общезначимым».

2. Этический контекст проблемы творчества был обозначен двумя вопросами: является ли творчество исключительно *положительной нравственной* ценностью?; является ли творчество обязательным условием полноценной *нравственной* жизни? В студенческих ответах обнаружилось большое количество противоречий (например, положительный ответ на первый вопрос далеко не всегда предопределял положительный ответ на второй и т. д.). В целом, при ответе на первый вопрос мнения студентов разделились на три основные группы: – творчество является исключительно положительной нравственной ценностью (10 человек), – творчество может выступать как положительной, так и отрицательной нравственной ценностью (20 человек), – творчество не подлежит нравственной оценке (10 человек). Уже такой «количественный расклад» может вызывать определенную озабоченность по поводу нравственных ориентаций студентов, поскольку 50 % респондентов (первая и третья группы) оценивает творчество как ценность приоритетную по сравнению с моральными установками. Впрочем, оснований для такого положения дел множество, и они связаны не только с субъективными факторами (возраст, отсутствие жизненного опыта, некоторая «культурная недостаточность» респондентов), но и с реальной сложностью проблемы взаимоотношения морали и творчества.

Первая подгруппа как бы продолжает выражение общего пафоса восхищения феноменом творчества, характерного для предшествующих попыток его определения-описания, и постулирует «исключительно положительную нравственную ценность творчества», не утруждая себя какими бы то ни было серьезными обоснованиями, кроме таких констатаций: «оно никому еще не навредило», «оно помогает создавать прекрасное», «оно позитивно, даже если осуществлялось плохими средствами».

Гораздо интереснее и многообразнее выглядит позиция второй подгруппы (ее доминирующая установка нашла в одной из работ такое обобщенное выражение: «у каждой монеты есть обратная сторона»), содержащая весьма интересные суждения: нравственная оценка творчества зависит от его мотивации, результатов, использованных средств, т.е. «загрязненность» всего этого может превратить творчество в отрицательную нравственную ценность; творчество – это сфера свободы, поэтому

«может идти вопреки нравственным нормам», а его «стихийность трудно направлять только в сторону добра». Представления респондентов этой группы относительно двойственности нравственной аттестации творчества иногда подталкивают их к поиску критерия разграничения нравственной оценки. Результаты этого поиска немногочисленны, но заслуживают особого одобрения и упоминания: «творчество может выступать в качестве отрицательной нравственной ценности в том случае, если становится самоцелью и самооценностью»; творчество «есть добро, если оно не направлено против жизни и здоровья людей»; «творчество является отрицательной нравственной ценностью, если направлено в сторону разрушения и насилия»; творчество является положительной нравственной ценностью, «если то новое, что создано в ходе творчества, служит Добру».

Если бы исследование студенческих представлений о феномене творчества было бы значительно объемнее и, соответственно, репрезентативность результатов очевиднее, то позиция третьей группы должна была бы вызывать серьезное беспокойство, поскольку она в различных вариациях выражает стремление оказаться «по ту сторону добра и зла» (причем без всякого понимания смысла этой идеи Ф.Ницше). Впрочем, и для такого небольшого эмпирического материала цифра 10 выглядит достаточно выразительно. Обоснования позиций «вынесения творчества за границы морали» представлены только в форме констатаций: «творчество находится за пределами добра и зла»; «понятия добра и зла к творчеству неприменимы»; «в творчестве нет границ, поэтому оно вообще вне нравственности»; «даже если творчество отражает порок, оно все равно нам необходимо».

Подобный расклад мнений должен бы, вроде, предопределить ответы на вопрос о том, является ли творчество обязательным условием полноценной нравственной жизни, однако, как уже отмечалось, этого не происходит. Более того, представления студентов в сфере данного вопроса обнаруживают изрядную степень противоречивости их позиции относительно феномена творчества в целом. Мнения студентов по указанному вопросу распределились примерно поровну: 22 человека считают, что творчество является обязательным условием полноценной нравственной жизни, 18 человек с этим не согласны полностью или частично. Обоснование первой позиции обобщенно можно выразить следующим образом: без творчества жизнь вообще неполноценна, поскольку оно способствует саморазвитию и самореализации личности. Похоже, что ее сторонники не обратили внимания на подчеркнутое в формулировке вопроса слово «нравственной» (нравственной жизни), поэтому особенно не задумывались о *нравственной* составляющей человеческого бытия. В отличие от них, представители второй группы старались «работать» именно с нравственной составляющей. Обращая свои взоры на реальность и задействуя личный опыт, студенты замечают: «человек может жить «по клише», но обладать большим нравственным потенциалом, нежели любой художник»; «человек может быть творческим, но аморальным, т.к. творческий всегда стремится выйти за рамки»; «можно не обладать творческими способностями, но уравновесить это нравственными добродетелями»; «человек имеет право на отказ от творчества»; «нельзя заставить творить того, кто не хочет или не умеет этого делать». Некоторые студенты вносят достаточно интересные корректировки в данный вопрос, отмечая, например, что «творчество это не *условие*, а *дополнение* нравственно полноценной жизни»; «творчество желательно, но не обязательно»; «творчество – это своеобразный бонус, но никак не условие нравственной жизни». За всеми этими рассуждениями «просвечивает» проблема, которую студенты не хотят, вероятно, фиксировать слишком откровенно, но косвенно обозначают с достаточной определенностью – не все люди способны на творчество. Это противоречит первоначальному пафосу воспевания творчества и его универсальности («каждый человек – творец», «каждый может стать творцом и сделать

свою жизнь полноценной», «творчество доступно каждому» и т.п.). Впрочем, невозможно требовать от студентов непротиворечивого решения столь сложных вопросов, тем более, что в рамках данной работы они постоянно ощущали присутствие (хочется добавить – гнетущее) проблемы сущего и должного, как бы соскальзывали с одной ее грани на другую, не всегда отдавая себе в этом отчет. Зато применительно к третьему ракурсу рассмотрения феномена творчества противостояние сущего и должного использовалось студентами более осознанно.

3. Вопросы этого блока предлагали студентам выразить свое мнение относительно значения творчества в процессе высшего образования в целом, а также оценить роль творчества на нашем факультете. По первому вопросу мнения студентов предельно солидаризированы: творчество должно «играть ведущую роль», оно в этой области «имеет особо большое значение», поскольку высшее образование призвано «давать толчок к общему развитию личности», подготавливать «человека к будущей самостоятельной деятельности, невозможной без творчества» и т.п. Некоторые авторы работ справедливо отмечают, что творческий компонент должен «пронизывать собой всю систему образования, начиная с детского сада». Все это преимущественно касается сферы должного, а на уровне сущего – «высшее образование исключает фактор творчества, это только механическое запоминание». Таких резко негативных оценок немного, что, наверное, в значительной степени определяется спецификой постановки вопроса («Оцените значимость творчества в процессе высшего образования»), которая фиксирует не столько реальное, сколько *желаемое* положение дел.

Ответы на второй вопрос, предполагавший соотнесение реального и желаемого, гораздо определеннее фиксируют несоответствие должного сущему. Мнения студентов по этому вопросу разделились на три приблизительно равных группы: – *да*, учебный процесс на факультете можно аттестовать как творческий (13 человек); – можно аттестовать как *частично* творческий (13); – *нет*, нельзя аттестовать как творческий (14). Представители первой точки зрения чаще всего связывают свою оценку с большим количеством творческих заданий в процессе обучения (некоторые даже считают их избыточными, так как «каждый день приходится напрягаться»), а также с предоставляемой им возможностью «высказывать свое мнение». Некоторые студенты (4) замечают, что в целом обстановку на факультете им оценить сложно, но «на отделении информации и коммуникации творческий характер учебного процесса совершенно очевиден». Интересным являются встречающиеся рассуждения о том, что на факультете есть возможности для творческой реализации, однако «не все студенты способны их реализовывать» как в целом, так и в отдельных проявлениях («даже шпаргалки можно делать творчески»). Почти все представители данной группы склонны связывать фактор творчества на факультете с отдельными дисциплинами и, особенно, с *отдельными преподавателями*.

Именно наличие творческих преподавателей не позволяет представителям второй группы негативно оценивать факультет в целом, хотя в других отношениях они проявляют свою неудовлетворенность: «мало новаций»; «от нас, в основном требуется просто работа, а не творчество»; «хотелось бы больше практики, т. к. в ней больше всего творчества»; «на факультете есть элементы творчества, но очень негативно влияют общие установки системы образования, препятствующие этому». Что же касается третьей группы мнений, то разочарованность их авторов в творческой составляющей факультета настолько велика, что ничем не компенсируется: «все, как правило, скучно, шаблонно»; «мы не только не создаем, но и не обучаемся этому»; «создаются только симулякры творчества»; «мы не можем снять заданные нам «маски студентов» и проявить свое «Я».

Таким образом, анализ данной эмпирической фактуры (при всей ее локальности, недостаточной презентативности и т. п.) позволяет обозначить определенные стереотипы восприятия феномена творчества, которые, возможно, распространены в гораздо более широкой сфере. Прежде всего, это восприятие творчества как первостепенной позитивной ценности (даже самооценности), которая не нуждается в каких либо «измерителях». Отсюда вытекает своеобразный отказ от обдумывания возможных негативных последствий творчества, готовность к принятию всех его результатов вне зависимости от их нравственного «звучания». Конечно, более серьезные размышления о феномене творчества, в том числе в контексте практических жизненных реалий, могут привести к поиску *смысла* творчества, осознанию необходимости его нравственных или иных ограничений и т. д., но первоначальная интенция его восприятия именно такова.

Эта интенция часто сопровождается противоречивым представлением о «сфере обитания» творчества: с одной стороны, творчество вроде бы вездесуще (плагиат, к примеру, тоже можно рассматривать как вид творчества), с другой стороны, подсознательно творчество ассоциируется с художественной деятельностью.

Соответственно расширительному пониманию творчества, еще одной стереотипной установкой его восприятия оказывается отнесение себя к его субъектам, поскольку немудреный силлогизм (творчество – важнейшая ценность человеческой жизни, я – человек, следовательно, я – творец) доступен каждому и, что особенно важно, каждому приятен. В этой установке нет ничего плохого или опасного (действительно, любой человек должен иметь право на творчество), но при определенных обязательных условиях. Это, в первую очередь, реальное, а не вымышленное, обладание творческим потенциалом и стремления к его *самостоятельному* развитию; наличие способности принимать на себя *ответственность* за свою творческую деятельность; осознание себя не только в качестве уникального индивида, но и в качестве «представителя человечества». Студенческие работы (не только используемые в данной публикации, но и другие творческие «продукты»), к сожалению, исключительно редко отражают такие ценностные ориентации. В результате образуется известный парадокс, сопровождающий восприятие многих фундаментальных ценностей: «посягательство» на творчество (свободу, любовь и пр.) не подтверждается *правом* на это, поскольку не опирается на осознание *личной* ответственности.